

ДЕНДИ НОВОЙ ДРАМЫ

Кристина Матвиенко

У МАКСИМА КУРОЧКИНА, ОДНОГО ИЗ «ВETERАНОВ» НОВОЙ ДРАМЫ, РЕНОМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА – ЭТАКОГО БЕРНАРДА ШОУ ОТ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ. Курочкин – историк по образованию, киевлянин, гордящийся своей принадлежностью к Украине, и редкий представитель рефлексивной интеллигенции, чьи публичные проявления артистичны по высшему классу.

Неслучайно у него сложилась карьера артиста – причем не только в театре, но и в кино (камео у Михаила Брагинского в «Гололеде» и у Веры Сторожевой в «Небо. Самолет. Девушка»). В театре же Курочкин выступает не от себя, а от лица принципиально важных для него персонажей – так было в документальной комедии «Двое в твоём доме» Михаила Угарова (Театр. Дос, 2010), где он сыграл белорусского оппозиционера и поэта Владимира Некляева, посаженного под домашний арест за попытку баллотироваться в президенты. Есть у Курочкина и еще одно амплу – красноречивого оратора, который придает любой дискуссии градус блистательного соревнования софистов. И когда он мучительно подбирает слова для выражения сложной мысли, требующей простого изложения, и, наоборот, когда говорит очевидное, но нуждающееся в

парадоксальной формулировке, – Курочкин-спикер олицетворяет стремление к невозможному – к безупречности слога и необходимости сказать только то, что нужно. Эта бескомпромиссная, в общем-то, борьба с собой в публичном пространстве, ставит присутствующих в положение восхищенных зрителей, свидетелей «вербальной материализации сущности». Именно поэтому ему часто и справедливо аплодируют – за образцовый театр одного актера.

Историк-архивист по первому образованию, Курочкин называет себя «украинским драматургом». Дебютировал пьесами «Аскольдов Дир» и «Истребитель класса «Медя» в середине девяностых, сразу после окончания московского Литинститута. Было это на ранних «Любимовках», организованных старшим поколением драматургов, чтобы дать возможность прозвучать молодым. «Любимовку», важнейший и, быть может, лучший смотр новой драматургии, часто ругают за излишне мягкое отношение к дебютантам – мол, не ставите их на горюх, хвалите, а зря. Но, в отсутствие интереса к новым пьесам со стороны стационарных театров (а именно так было и в девяностые, и в начале нулевых, пока активность «новой драмы» не сломала инерцию), дружественное и увлеченное отношение коллег было необходимым, как глоток воздуха. Таким глотком и стали «любимовские» обсуждения, в которых Курочкин поучаствовал и как драматург, и как актер читок, и как член оргкомитета. Радикальные опыты Курочкина выросли именно на поле «Любимовки» и открытого в начале 2000-х Театра.Дос, где он собственноручно делал ремонт, а потом принял непосредственное участие в его активной жизни. Одним из таких опытов был снятый им фильм «Водка. Ебля. Телевизор» (2004) – зафиксированный на видеокамеру обыденный опыт рефлексивного героя, который мечтает о лучшей жизни, но остается на проверенных временем опциях, доставляющих удовольствие

БЫЕ ПРОСТВИЕ РАВНОМ.
ГУ, К ЛЮБАЯ СВОРНОВ
К ЛЮТ В СТИВНЕНЯТ
ВЫПОЗРА ЧНОСТВИЕ
С ПЕРИМЕН ТРАБОТО
МОШНЫЙ УДОБЕСКИ
ВЫ НЕНТОРНОМУ
ВАМЕРИМЕНЯТ

и радость познания жизни. С чувством юмора и любовью к ироническому самоуничтожению у драматурга Курочкина всегда было все в порядке.

Любопытно, что в жизни автора «Стальной воли» («Антибукер»-1998) и знаменитой «Кухни» (заказная работа для «Товарищества 814» Олега Меньшикова, 2000) всегда соседствовали две параллельные реальности. Одна – условное культурное «подполье», работа в «Дебют-центре», совместные опыты с радикалом

рубежа московских 1990-х – 2000-х Владимиром Мирзоевым («Глаз», 1999), дружба и сотрудничество с Михаилом Угаровым («Трансфер» в Центре драматургии и режиссуры, 2003), и шире – с кругом Театра.DOC. А другая – имидж успешному драматургу, прилипший к Курочкину после работы с Меньшиковым, «Имаго», написанного специально для Анастасии Вертинской и Нины Чусовой (продюсерская компания ФФ, 2003) и, наконец, масштабного спектакля «Подавлять и возбуждать» в Et cetera с Александром Калягиным. К драматургу Курочкину льнут «звезды» театра и кино, словно он манит их своей сказочной и «стильной» манерой рассказывать хитро устроенные истории, высекать новые смыслы из столкновения слов и даже находить ответы на самые главные вопросы. Сказать, что эти опыты работы с «настоящими театрами» были неудачными, неправильно – именно Курочкину, с его изысканными тактиками и технологиями, удавалось, не обманув ожиданий заказчика, сохранить свое лицо. Но особый интерес к его драматургии связан с опытами в неофициальном пространстве, где автор «Цурикова» и «Класса Бенто Бончева» мог в открытую отстаивать свое право на точное воспроизведение текста.

В этом смысле Курочкин был одним из первых, кому удалось совмещать профессии – он режиссировал свои тексты и был соавтором спектаклей вместе с Угаровым. В этой способности отчасти кроется ответ на вопрос, почему Курочкин – гроза для молодых режиссеров, даже если дело касается просто читки. Ему мало, чтобы режиссер не искадил его высказывание, он требует, чтобы тот правильно считывал театральный код, заложенный в пьесе. По этой же причине Курочкин (как и Михаил Угаров, и Иван Вырыпаев, много практикующие в качестве театральных педагогов и режиссеров) – так пристально вглядывается в современного актера и его органику, пытается нащупать верный тон, то и дело апеллируя к опыту

американцев, хорошо выученных «просто читать текст, не раскрашивая его».

Идеальный театр для Курочкина – театр правильного произнесения текста. Идеально расчерченные конструкции пьес «космического цикла» вроде «Лунопата» или «Тития Безупречного» требуют, как ни странно, вовсе не абстрактных схем и моделей исполнения, а самой что ни на есть бытовой, точной в интонации и внятной по психологическому разбору манеры. Пьесы Курочкина просты в своем «зерне», но сложны в общем рисунке. Читателя и зрителя путает прихотливая вязь диалогов, их остроумие в духе Бернарда Шоу, которое переводит разговор в плоскость исключительно софистическую. Но именно слово, искусство его точного сложения в реплики и сцены, двигает действие, а значит, и жизнь спектакля.

У героев последних пьес Курочкина, мягких с виду, нравящихся женщинам и имеющим вкус к удовольствиям жизни, есть общее свойство – неизбывная тяга к свободе. Эта, наверное, ключевая для нас сегодня тема, с завидным постоянством реализуется именно в его текстах и поступках. Право на свободу, на личное неприкосновенное пространство – простые вещи, которых мы по-прежнему бываем лишены. И драматург Курочкин, сыгравший однажды человека, вынужденного сидеть под домашним арестом в собственной квартире, их особенно остро чувствует. Человек образованный, хорошо понимающий историю как живую материю, а не как архив, он свободен в обращении с «культурным контекстом». Именно поэтому его исторические пьесы по-настоящему актуализируют прошлое и вступают с ним в диалог. Это и есть свобода. Курочкин исследует те пограничные зоны, которые лежат между свободой и несвободой, те правила, которые люди устраивают сами себе, чтоб было удобней жить. Благородство его капитанов, летчиков, инопланетян и гостей с того света и есть главная черта героев Курочкина, кото-

МАКСИМ КУРОЧКИН

Драматург, историк по образованию (специализация – археология Киевской Руси). Участник оргкомитета Фестиваля Молодой драматургии и проекта «Документальный театр». Автор пьес «Аскольдов Дир», «Истребитель класса «Медя», «Девять легких старушек», «Стальная воля» (спецприз «Антибукера»), «Глаз», «Право капитана «Карпати», «Кухня», «Опус Микстум», «Класс Бенто Бончева», «Титий Безупречный» и другие. Его пьесы были представлены на фестивалях «Любимовка», «Зарубежные драматурги» (английский «Ройал корт»), «Зеркало: Восток – Запад» (во французском Коэне).

THE NEW DRAMA DANDY

Christina Matvienko

MAXIM KUROCHKIN, ONE OF THE NEW DRAMA “VETERANS”, HAS THE REPUTATION FOR BEING AN INTELLECTUAL – A BERNARD SHOW OF SORTS OF CONTEMPORARY DRAMATURGY. KUROCHKIN HAS A DEGREE IN HISTORY; HE’S A KIEV RESIDENT, WHO IS PROUD OF HIS UKRAINIAN ROOTS, AND A RARE REPRESENTATIVE OF INTROSPECTIVE INTELLIGENTSIA, WHOSE PUBLIC DISPLAYS ARE ARTISTIC IN THE HIGHEST SENSE OF THE WORD.

It is no coincidence that he became an artist – and not just in theatre but in film as well (cameo in Mikhail Brashinsky’s “Black Ice” and Vera Storozhevaya’s “Sky. Airplane. Girl.”). In theatre, meanwhile, Kurochkin does not represent himself, but, rather, characters that are essential to him – that was the case with Mikhail Ugarov’s documentary comedy “Two in Your House” (Teatr.Doc,

2010), where he played a Belarusian oppositionist and poet Vladimir Neklyayev, who was placed under house arrest for attempting to run for president.

Kurochkin has one more role – that of an eloquent speaker, who adds a degree of brilliant sophist competition to any discussion. Whether he is agonizing over finding the right words to express a complex thought that requires simple exposition, or, vice versa, when

he is saying something obvious that requires paradoxical wording – Kurochkin the speaker embodies the pursuit of the impossible – the flawlessness of style and the necessity to say only what is needed. This generally uncompromising struggle with one’s own self in a public space turns all those present into a crowd of admiring spectators, witnesses to “verbal materialization of the essence”. This is precisely the reason why he is often rightfully applauded – for his exemplary one-man theatre.

Kurochkin was trained as an archivist-historian, yet he calls himself a “Ukrainian playwright”. His debut plays were “Askold’s Dir” and “Medea-Class Fighter” in the mid-1990s, right after he graduated from Moscow’s Literature Institute. This was during the early Lyubimovka festivals, organized by the older generation of playwrights, in order to give the younger ones an opportunity to be heard. Lyubimovka is the most important and perhaps the best existing festival of new dramaturgy. Yet it is often criticized for being too soft on the young hopefuls, admonished for not having them kneel on dry peas or praising them over nothing. Yet, given a lack of interest in new plays on the part of stationary theatres (and that was the case both in the 1990s and in the early 2000s, until the activity of the “new drama” managed to break through the inertia), the friendly and involved attitude of one’s colleagues was as essential as a breath of air. The Lyubimovka discussions, where Kurochkin took part both as a playwright, a reading actor and an organizing committee member, became that much needed breath of fresh air. Kurochkin’s radical experiments sprouted on the field of Lyubimovka and the Teatr.Doc theatre that opened in the early 2000s, where he personally took part in renovations and then became directly involved in the theatre’s active life. One such experiment was a movie he filmed, titled “Vodka, Fucking and Television.” (2004) – a videotaped everyday experience of an introspecting hero, who dreams of a better life but chooses to remain with the time-tested options that give both pleasure and joy of experiencing life. Kurochkin the playwright never had a problem with his sense of humor and his love

for ironic selfhumiliation.

It is curious that the life of the author of “Steel Will” (Anti-Booker – 1998) and the famous “The Kitchen” (commissioned by Oleg Menshikov’s “Partnership 814”) always contained two parallel realities. One is that of the provisional cultural “underground”, his work in “Debut Center”, collaborative experiments with Vladimir Mirzoev, radical director in Moscow of the late 1990s – early 2000s (“The Eye”, 1999), friendship and collaboration with Mikhail Ugarov (“Transfer” at the Center for Playwriting and Directing, 2003), and on a wider scale with the Teatr.Doc circle. And the other is an image of a successful playwright that stuck to Kurochkin after his work with Menshikov, “Imago”, written specifically for Anastasiya Vertinskaya and Nina Chusova (FF Production Company, 2003), and, last but not least, the large-scale production of “Repress and Excite” with Alexander Kalyagin at the Et Cetera theatre. Kurochkin the playwright attracts theatre and film stars, as though he beckons them with his fantastical and “stylish” manner of telling cleverly set up stories, producing new meanings from a collision of words, and even finding answers to the most important of questions. It would not be correct to say that these experiments in working with “real theatres” were unsuccessful – it was none other than Kurochkin, with his refined approaches and technologies, who was able to save face without disappointing the client. Still the degree of current interest in his dramaturgy is tied to his experiments in the unofficial space, where the author of “Tsurikov” and “The Schooling

MAXIM KUROCHKIN

Playwright, historian by education (major in archeology of Kievan Rus).

Member of the organizing committee for the New Drama Festival and the "Documentary Theatre" project.

Author of plays such as "Askold's Dir", "Medea-Class Fighter", "Nine Lightweight Old Ladies", "Steel Will" (Anti-Booker Special Prize), "The Eye", "The Right of the Carpathia's Captain", "The Kitchen", "Opus Mixtum", "The Schooling of Bento Bonchev", "Titus the Irreproachable", and others. His plays were presented at the following festivals: Lyubimovka, International Playwrights (British Royal Court), Mirror: East – West (in French Caen).

of Bento Bonchev" could openly defend his right to an exact rendering of text.

In that sense Kurochkin was one of the first who managed to combine the two professions – he directed his texts and co-authored productions together with Ugarov. This ability holds part of the answer to the question of why Kurochkin is such a terror for young directors, even when it is only a matter of simple reading. It is not enough for him that a director does not distort his statement; he demands that the latter correctly interprets the theatrical code hidden in the play. For that reason, Kurochkin (much like Mikhail Ugarov and Ivan Vyrypayev, who work a lot as theatre instructors and directors) looks so intently at contemporary actors and their organics, trying to find the right tone, every now and then making references to the experience of American actors, who are well taught how to "simply read the text without embellishing it".

Kurochkin's ideal theatre is a theatre of proper delivery of text. The perfectly lined structures of the plays from the "space cycle", such as "Lunopath" or "Titus the Irreproachable", do not require abstract schemes and execution models, strange as it may sound, but, rather, a completely everyday manner, precise in tone and distinct in psychological analysis. Kurochkin's plays are simple at their core but complex in their overall picture. Readers and spectators are confused by the whimsically woven ornament of the dialogues, their wit à la Bernard Shaw, which moves the conversation into an exclusively sophisticated plane. But it is word itself, the art of its precise composition into replicas and scenes, that moves the action along and, consequently, the very life of the production as well.

The characters of Kurochkin's latest plays are outwardly gentle, are liked by women and have a taste for the good things in life. But they also have one common quality – a persistent thirst for freedom. This topic, which is perhaps critical for us today, is being perfected with enviable consistency in his texts and deeds. The right to freedom, to sacred personal space – simple things that are

still sometimes denied to us. And Kurochkin the playwright, who had once portrayed a man, forced to stay under house arrest in his own apartment, feels them particularly keenly. An educated man, who has good understanding of history as a live substance, rather than an archive, he is free in his treatment of "cultural context". That is precisely why his historical plays truly keep the past current and enter into a dialogue with it. This is what freedom is like. Kurochkin explores those marginal zones that lie between freedom and non-freedom, those rules that people set up for themselves to make life easier. The nobleness of his captains, pilots, aliens, and visitors from the other world is the main characteristic of Kurochkin's heroes, though he does also occasionally find them among regular Muscovites, Americans and residents of Kiev, who are always near to his heart.